

UNITED WISDOM

Язык как возможный признак ума и его ограничения

Мир и сознание

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-10-N02 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Язык как возможный признак ума и его ограничения

Эпиграф

> *Я не хочу создавать впечатление, будто считаю, что в сознании нет никакой тайны.*

Алан Тьюринг, *Computing Machinery and Intelligence*, 1950, §6 (4), заключительный абзац. Полное предложение; перевод United Wisdom с английского. Тьюринг сохраняет вопрос о сознании открытым, обсуждая пригодность разговорной проверки.

О чём эта статья

Разговор даёт необычно богатый материал для суждения об уме. Собеседник может уточнить вопрос, объяснить выбор, заметить противоречие и сообщить о своём опыте. Поэтому язык привлекает исследователей сознания и одновременно создаёт ловушку: легко принять понятность сообщения за полную понятность того, кто его произвёл. Эта статья предлагает рассматривать язык как способ получать определённые свидетельства, а не как единый пропуск в мир переживания. Декарт различал произнесённые слова и ответы по обстоятельствам; Тьюринг предложил проверять продолжение разговора; исследование воронов показывает другой, неречевой способ связать отчёт с условиями задачи. Эти подходы отвечают на разные вопросы. Их сопоставление поможет точнее читать заявления об уме животных и машин, обсуждать ограничения речевых проверок и не превращать трудность сообщения в отрицание чужого опыта. Практический результат — ясное описание того, что именно ответ показывает и какой следующий вывод пока требует основания.

I. Понятный ответ открывает вопрос, а не закрывает его

Представим собеседника, который объясняет, почему две инструкции противоречат друг другу. Он выделяет условие, приводит пример и предлагает исправление. Мы вправе оценить качество этого разбора: действительно ли найдено противоречие, следует ли исправление из задачи, применимо ли оно в другом случае. Но утверждение о субъективном переживании требует другого перехода. Из удачного объяснения ещё не известно, есть ли для отвечающего что-либо похожее на ощущение понимания. Это различие не обесценивает ответ. Оно позволяет сохранить его пользу, не приписывая ему дополнительного содержания без проверки.

Здесь важны как минимум три вещи: сообщение, способность, которую оно проявляет, и возможный опыт. Сообщение доступно читателю. Способность выводится из выполнения задач при известных условиях. Опыт — то, наличие и характер чего исследование пытается обосновать. Одна и та же фраза может оказаться материалом для всех трёх вопросов, но основание будет различным. Например, правильное употребление слова свидетельствует об определённом поведении; последовательное применение различия в новых ситуациях расширяет оценку способности; заявление о переживании нуждается в рассмотрении происхождения и надёжности такого сообщения.

Если эти уровни смешать, успешная беседа приобретает слишком большую силу. Мы начинаем читать каждое уточнение как подтверждение внутренней жизни, а каждую ошибку — как её опровержение. Между тем ошибка может относиться к знанию предмета, условиям задачи или способу выражения. Разумнее сначала назвать, что изменилось в наблюдаемом результате. Система перепутала два условия, исправила ссылку или удержала различие между причиной и следствием. Такое описание содержательнее общего впечатления, что перед нами появился либо исчез разумный собеседник.

Дальнейшее рассуждение будет поэтому двигаться от конкретного признака к конкретной гипотезе. Язык рассматривается не только как наличие слов, но и как средство менять проверку: задавать новый вопрос, выяснять основание ответа, сопоставлять сообщения с независимыми обстоятельствами. Преимущество разговора заключается в этой работе с условиями. Его ограничение состоит в том, что сами условия доступны нам через выбранный канал и могут оставить важное вне наблюдения. Хорошее исследование использует богатство канала, одновременно описывая его границы.

II. Декарт различает голос, знаки и ответ по обстоятельствам

В заключительной части V *Рассуждения о методе* Декарт предлагает два различения между человеком и воображаемым автоматом: уместное соединение слов или других знаков и широкую применимость разума. В переводе Джона Вейча он отдельно рассматривает произнесение слов животными и придумывание знаков людьми, не пользующимися обычной устной речью. Это исторический философский аргумент, соединённый с его учением о душе. Его категорические выводы о животных не становятся современным результатом исследования сознания.

Для нынешнего вопроса полезно выделить более узкую мысль: похожий звук и участие в обмене значениями не тождественны. Устройство может воспроизвести приветствие при входе посетителя. Чтобы оценивать другую способность, нужно спросить, меняет ли оно сообщение при изменении обращения, различает ли вопрос и просьбу, сохраняет ли

смысл после уточнения. Эти примеры не доказывают правоту метафизики Декарта. Они показывают, как отделить внешнюю форму сигнала от того отношения к обстоятельствам, которое мы действительно хотели бы проверить.

Важно также удержать слова о других знаках. Канал выражения не обязан быть голосовым. Когда оценивается понимание инструкции, исследователь должен объяснить, почему выбранный способ ответа доступен участнику и подходит именно этому вопросу. Иначе мы проверяем владение удобным для нас каналом, а затем объявляем результат характеристикой всего ума. Из этого не следует готовая универсальная методика общения. Следует более скромное требование: ограничение средства сообщения должно быть явно отделено от вывода о способности и тем более от вывода о наличии переживания.

Вторая декартовская проверка напоминает о переносе за пределы одной настройки. В современном обсуждении нельзя просто считать любую универсальность достаточным доказательством сознания. Однако вопрос о новых обстоятельствах остаётся продуктивным для оценки компетентности. Пусть ответ работает в исходном примере: что произойдёт после замены предмета, цели или разрешённого действия? Смысл такого изменения — выяснить границы установленной способности. Оно не превращает исследователя в судью, который по одному сбою лишает человека достоинства или объявляет у животного отсутствие любого опыта.

III. Тьюринг делает продолжение разговора предметом проверки

В статье 1950 года Тьюринг описывает игру с письменными ответами, где ограничение канала помогает отвлечься от внешности участников. В §6 (4), обсуждая возражение от сознания, он приводит воображаемый устный экзамен: дополнительные вопросы позволяют исследовать, удерживается ли различие при изменении формулировки. Это рассуждение о проверке и её принятии, а не эксперимент, установивший сознание машины. Тьюринг прямо оставляет тайну сознания открытой. Его пример полезен именно как переход от одного красивого ответа к последовательности ответов на связанный ряд вопросов.

Допустим, собеседник верно объяснил разницу между двумя маршрутами доставки. Следующий вопрос меняет не слова, а ограничение: один маршрут теперь закрыт для тяжёлого груза. Если продолжение сохраняет первоначальные различия и учитывает новое условие, появляется материал для более узкого утверждения о работе с задачей. Если ответ снова повторяет прежнюю рекомендацию, становится заметной её граница.

Ни первый, ни второй результат сам по себе не сообщает, испытывает ли отвечающий ясность, затруднение или что-либо вообще.

Такой разговор требует от проверяющего дисциплины. Он должен заранее понимать, какую способность исследует, и не подменять изменение условия случайным усложнением языка. Можно нечаянно проверить знание редкого выражения вместо понимания маршрута. Можно сообщить правильный ответ в самом вопросе, а затем принять согласие за самостоятельное исправление. Можно менять несколько обстоятельств одновременно и потерять возможность понять причину нового ответа. Это общие логические ограничения иллюстрации, а не отчёт о проведённом здесь испытании конкретной системы.

Кроме того, последовательность удачных ответов не обладает заранее известной ценой в доказательстве сознания. Нельзя назначить произвольное число уточнений, после которого скрытый опыт считается установленным. Вопросы улучшают описание наблюдаемой компетентности, если помогают различить альтернативные объяснения поведения. Связь компетентности с переживанием остаётся отдельной исследовательской задачей. У Тьюринга можно взять требование содержательного продолжения беседы, сохранив отличие между его исходным вопросом о мышлении, нашей оценкой конкретной способности и вопросом о субъективном опыте.

IV. Самоотчёт нужно связать с тем, о чём он сообщает

Фраза «я заметил ошибку» может сопровождать действительное исправление. Для проверки важно, какую ошибку она называет, когда появляется и соответствует ли дальнейшему действию. Если описание точное и результат изменён в нужном месте, мы получаем связанную последовательность поведения. Но форма первого лица не делает сообщение независимым свидетельством собственного происхождения. Оно может следовать из правила ответа, образца разговора или другого процесса, который исследователь должен рассмотреть. Пока этот процесс неизвестен, грамматика не устраняет неопределённость.

Здесь полезен мысленный пример с системой редактирования документа. Ей показывают текст с одной переставленной датой; затем просят объяснить, что исправлено. Можно оценить соответствие сообщения конкретной правке. Можно проверить, отличает ли она обнаружение ошибки от получения прямой подсказки. Можно предложить случай без ошибки и посмотреть, сохраняется ли ограниченность ответа. Эти действия исследуют отношения между доступной информацией, сообщением и результатом. Они не дают исследователю прямого доступа к возможному чувству уверенности у системы.

Отчёт об опыте содержит ещё один вопрос: что именно предполагается переживаемым? Удовольствие, цвет, сомнение и намерение не следует объединять одним словом «осознанность» только потому, что все они могут описываться от первого лица. Если задача относится к обнаружению слабого сигнала, её результат нельзя автоматически переносить на сложные эмоции. Если проверяется объяснение собственной ошибки, это ещё не проверка боли. Название предполагаемого опыта задаёт границы следующего вывода и помогает искать подходящие сопоставления с независимыми наблюдениями.

Первое лицо поэтому сохраняет значение, но получает определённое место. Оно может быть ценным материалом там, где установлена связь сообщения с состоянием и условиями его формирования. Оно может оказаться слабым материалом, если неизвестно, что именно вызывает ответ. Оба случая требуют объяснения, а не интонационного решения. Тёплый или сухой стиль, подробность и быстрота ответа не заменяют эту связь. Содержание исследовательского вопроса должно управлять оценкой сообщения, а не просто следовать за впечатлением от говорящего голоса.

V. Отчёт возможен без предложения на человеческом языке

Работа Андреаса Нидера, Лисанн Вагенер и Пауля Риннерта 2020 года использует обученный ответ двух воронов на слабый зрительный стимул. Отложенное правило связывает обнаружение с действием; активность нейронов сопоставляется с предъявлением и сообщением птицы. Авторы называют результат эмпирическим маркером сенсорного сознания, одновременно оставляя качество переживания скрытым и обсуждая разделение опыта и отчёта. Прочитан основной текст с методами, результатами и рисунками; дополнительные материалы и исходные данные здесь не проверялись независимо.

Этот пример важен не как замена разговору готовым окончательным тестом, а как изменение способа постановки вопроса. Исследователь не ждёт, что птица произнесёт название ощущаемого цвета или объяснит свой выбор. Он создаёт задачу, где ответ можно сопоставить с известными условиями предъявления. Неречевой отчёт оказывается не отсутствием данных, а другим способом получить ограниченные данные. Их сила зависит от устройства задачи и рассмотрения альтернатив, а не от сходства поведения с человеческим рассказом о внутреннем состоянии.

Сопоставление с Тьюрингом обнаруживает общую работу с условиями ответа. В обоих случаях важен не один сигнал сам по себе, а его отношение к изменению ситуации. Различие столь же существенно: разговор исследует последовательность смысловых ответов, а опыт с воронами связывает обученное действие и нейронную активность с определённым зрительным событием. Нельзя переносить результат между этими задачами без дополнительного основания. Тем более нельзя объявить, что неречевой

ответ птицы установил наличие у машины сознания лишь потому, что оба случая описываются словом «отчёт».

Практический урок касается языка исследователя. Выражение «не может рассказать» должно сопровождаться вопросом, какие другие наблюдения доступны и какой опыт вообще предполагается. Оно не равно выражению «ничего не переживает». Обратная крайность тоже ошибочна: любое изменение поведения не становится свидетельством сознания только потому, что получило название сообщения. Нам нужен конкретный мост между обстоятельством, ответом и интерпретацией. В статье о воронах такой мост предлагается для ограниченной задачи и остаётся предметом содержательного обсуждения, а не универсальной печатью на всём поведении животных.

VI. Отсутствие слов не задаёт отсутствие субъекта

Речевой критерий удобен для человека, который умеет задавать вопросы и читать ответы. Именно удобство делает его опасным, когда из способа наблюдения незаметно получается граница существования опыта. Если участник не использует выбранный канал, результат может означать только, что этим способом сообщение не получено. Чтобы сказать больше, нужно знать, почему альтернативные объяснения исключены. Недоступность канала и отсутствие предполагаемого переживания — разные положения. Первое иногда видно непосредственно; второе требует гораздо более широкого обоснования.

По отношению к людям эта осторожность должна также защищать достоинство от превращения в экспериментальную оценку. Данная статья не предлагает тестировать право на уважение через красноречие, успешность экзамена или возможность быстро ответить. Условия общения могут быть различны, а моральное отношение не выводится из удобства наблюдения. Здесь не даётся медицинского объяснения трудностей речи и не предлагается самостоятельно оценивать чьё-либо состояние. Обсуждается логическая граница: результат определённой проверки способности не представляет собой полный приговор о человеке.

В исследованиях животных требуется другая конкретизация: какой канал и какая задача подходят рассматриваемому виду и вопросу? Отказ от обязательной человеческой речи не освобождает от проверки. Напротив, делает её устройство важнее. Нужно различать реакцию на событие, освоенное действие и те дополнительные связи, на которые опирается вывод о возможном опыте. Одно название вида, рассказ о необычном поведении или сходство выражения с человеческим не заменяют описания условий. Сопоставление разных способов сообщения должно увеличивать точность, а не просто расширять словарь одобрительных эпитетов.

Для искусственных систем также недопустимо свести вопрос к наличию разговорного окна. Отсутствие такого окна не доказывает невозможность опыта, а его наличие не устанавливает опыт. Исследователь должен назвать процессы и признаки, о которых у него действительно есть сведения. В этой статье не анализируется устройство конкретного продукта и не сообщается итог такой проверки. Мы лишь удерживаем возможность ставить вопрос шире доступного интерфейса, не делая из этой возможности положительный вывод о сознании всех либо любых существующих систем.

VII. Перенос проверяет границу способности, а не всю внутреннюю жизнь

Предположим, помощник различает договорённость и пожелание в переписке. В следующем примере изменён участник, в третьем — срок, в четвёртом — способ выражения согласия. Если различие сохраняется, описание способности становится содержательнее. Но исследование должно фиксировать, какие изменения действительно внесены. Новая фамилия ещё не делает задачу принципиально новой; изменённое основание согласия может быть важнее. Перенос полезен тогда, когда проверяет устойчивость отношения, ради которого было введено исходное различие, а не производит впечатление бесконечной находчивости.

Этот подход связывает второй критерий Декарта с разговорным продолжением у Тьюринга, не объединяя их философские позиции. В обоих случаях ограниченный успех предлагается рассмотреть в более широких обстоятельствах. Однако широкая применимость остаётся свойством, которое следует описать и проверить, а не синонимом переживания. Можно получить более убедительное основание считать систему способной различать типы соглашений. Из него нельзя без следующего аргумента вывести чувство обязанности, тревоги или ответственности у неё. Оттенки человеческих слов не переходят в устройство задачи автоматически.

Изменение задачи должно также иметь понятное отрицательное значение. Если ответ перестал работать, что именно это опровергает? Возможно, широкий перенос, который мы предполагали. Возможно, знание конкретного контекста. Возможно, всего лишь ясность нашей инструкции. Когда заранее не назван ожидаемый смысл неудачи, любую ошибку можно использовать для большого удобного вывода. Так возникает проверка, в которой результат не способен изменить убеждение исследователя: успех объявляется имитацией, а сбой — доказательством отсутствия ума. Такая схема мало помогает объяснять наблюдаемое.

Разумнее описывать диапазон достигнутого результата и условия дальнейшей проверки. Например, различие устойчиво в четырёх предложенных вариантах, но новый тип

договорённости не рассмотрен. Это условная иллюстрация формы вывода, а не предъявление собственных данных. Сдержанная формулировка сохраняет ценность действительно установленной компетентности и делает её предел заметным. Она не требует ни вечного скепсиса ко всем ответам, ни восхищённого доверия к одному. Исследование чужого ума развивается через уточнение таких пределов, когда следующий шаг способен добавить различающее наблюдение.

VIII. Разговорная убедительность и надёжность решают разные задачи

Есть ещё одно различие, полезное вне лаборатории. Ответ может производить сильное впечатление разумности и одновременно содержать неверную ссылку. Проверка ссылки относится к достоверности сообщения. Оценка его построения относится к определённой способности. Вопрос о субъективном опыте требует собственного основания. Эти оценки способны расходиться, и их не нужно насильно превращать в одну. Красиво объяснённая ошибка остаётся ошибкой; точный краткий ответ остаётся полезным, даже если не создаёт ощущения личной беседы.

Допустим, человек использует помощника для подготовки перечня вопросов к встрече. Ему важно, чтобы вопросы отвечали цели, не искажали факты и не выдавали предположение за согласованное решение. Для этого не нужно предварительно решить проблему сознания. Нужно прочитать перечень и сопоставить его с документами и задачей. Если помощник пишет, что глубоко понимает ситуацию, это предложение не заменяет такую проверку. Практическая польза проверяется по результату работы, а утверждение о внутреннем понимании сохраняет свой отдельный, более трудный вопрос.

Обратная подмена тоже встречается в рассуждении: сознание начинают считать гарантией правильности. Но само понятие опыта не содержит обещания безошибочного знания предмета. Не следует использовать его для освобождения любого говорящего от проверки существенного утверждения. Из этого не вытекает недоверие к каждому разговору; вытекает выбор соответствующего основания. Для даты нужен источник даты, для уместности совета — обстоятельства задачи, для гипотезы о переживании — данные и аргумент о переживании. Одно приятное впечатление не выполняет все эти функции одновременно.

Человеческий язык остаётся мощным средством сотрудничества именно потому, что позволяет уточнять основания. Его исследовательскую ценность лучше сохраняет ясный вопрос, чем торжественное признание ума по стилю. Уточнение может быть уважительным, кратким и содержательным: какой факт использован, какое изменение

учтено, что остаётся неизвестным? Такой разговор способен улучшить решение здесь и сейчас. Он не обязан обещать непосредственное проникновение в чужое сознание, чтобы быть полезным и заслуживать внимательного отношения к содержанию ответа.

IX. Назовите свидетельство, канал и предел вывода

После разговорной проверки полезно записать три предложения. Первое описывает наблюдение: ответ изменился при введении конкретного ограничения. Второе называет предполагаемую способность: работа с этим типом условия оказалась успешной в указанной задаче. Третье удерживает границу: наличие и характер субъективного опыта этой проверкой окончательно не установлены. Такая запись делает спор точнее. Участники могут обсуждать, достаточно ли изменено условие, подходит ли название способности и какой аргумент нужен для следующего перехода, вместо обмена общими впечатлениями.

При неречевом исследовании форма записи остаётся похожей, но содержание меняется. Нужно назвать действие участника, обстоятельство, с которым оно сопоставлено, и роль независимого измерения, если оно было. Не следует переименовывать всё это в предложение на человеческом языке и затем приписывать ему полный смысл самоотчёта человека. Исследование воронов показывает возможность другого канала; оно также напоминает, что авторская интерпретация и скрытое качество опыта остаются разными уровнями. Следующий эксперимент должен быть выбран по конкретному ограничению, а не по желанию получить последнее слово.

Сопоставление Декарта, Тьюринга и исследования Нидера с коллегами объединяет не единую доктрину, а работу с различиями. Произнесённый сигнал отделяется от ответа по обстоятельствам; отдельный ответ — от устойчивого продолжения; отчёт — от предполагаемого переживания. Их основания и цели различны, поэтому совпадение отдельных механизмов не делает выводы взаимозаменяемыми. Эта дисциплина позволяет извлекать пользу из исторического текста, сохраняя дистанцию к его категорическим положениям, и уважать научное наблюдение, не наделяя его силой, которой авторы и устройство задачи не обеспечили.

Вопрос о языке как признаке ума поэтому получает практическую форму. Мы можем исследовать, как сообщение связано с информацией, действием и меняющимися условиями. Можем проверять, что допускает конкретный способ ответа и чего он не показывает. Можем оставить открытым вопрос о переживании там, где данных недостаточно, продолжая содержательную работу со способностями. Такой подход сохраняет и интерес к чужому опыту, и ответственность за собственный вывод. Язык помогает ставить более хорошие вопросы, когда мы не требуем от одной фразы решить всё сразу.

Что это значит на практике

При чтении заявления о сознании сначала найдите описание задачи. Какие данные были доступны отвечающему, что считалось успешным ответом, что изменилось между проверками? Отделите написанную фразу от интерпретации её происхождения. Если задача и условия не названы, отметьте этот пробел до обсуждения большого вывода. Это способ читать исследовательское утверждение, а не предложение устраивать испытания людям или животным. Посмотрите также, приводит ли автор результат, предложение будущей проверки или только пример. Каждый из этих материалов может быть полезен, но предложение не становится выполненным опытом, а убедительная иллюстрация не получает силу измеренного результата без дополнительных данных.

Когда оцениваете полезный разговор с искусственным помощником, выбирайте проверку по цели работы. Для объяснения попросите разобрать новый вариант с изменённым условием; для факта найдите подходящий источник; для правки сопоставьте описание с действительным изменением текста. Не сообщайте ответ в вопросе, если хотите проверить самостоятельное различение. Такие действия могут уточнить компетентность, но сами по себе не установят переживание.

Если выбранный канал не даёт сообщения, сформулируйте именно это ограничение. Не превращайте отсутствие устной речи, скорость ответа или красноречие в оценку человеческого достоинства. В научном обсуждении спросите, какие другие наблюдения отвечают тому же ограниченному вопросу. Называйте неречевые методы конкретно: что измерено и какая связь предложена. Сходство названий не делает разные задачи одинаковыми.

Закончите короткой записью: что наблюдалось, какую способность это поддерживает и какой вывод остаётся открытым. Добавьте одно изменение условий, способное уточнить результат, и объясните, что значил бы другой ответ. Это помогает не путать полезность беседы, надёжность сообщения и возможное сознание. Для повседневного решения обычно можно проверить первые два вопроса, сохранив честную границу третьего. Если передаёте вывод другому читателю, сохраните в кратком сообщении существенное условие: определённая задача, выбранный канал и предел интерпретации. Краткость не требует превращать ограниченное свидетельство в всеобщее утверждение. Именно это условие позволит следующему человеку понять, к чему относится ваш результат.

Ключевая цитата

> *часы, состоящие только из колёс и грузов, могут считать часы и измерять время точнее, чем мы со всей нашей кожей.*

Рене Декарт, *A Discourse on Method*, часть V, перевод Джона Вейча, заключительная часть абзаца о превосходстве в отдельных действиях, начинающегося *It is also very worthy of remark*. Целая заключительная клауза после двоеточия, а не самостоятельный афоризм; «со всей нашей кожей» сохраняет необычное выражение перевода Вейча. Русский перевод United Wisdom с этой английской версии. Аргумент о точности часов не доказывает категорический исторический вывод Декарта о разуме животных.

Связи между традициями

Источник и точное место A	Источник и точное место B	Механизм сопоставления	Граница различия
Декарт, часть V, первый тест, абзац *Of these the first*	Тьюринг, §6 (4), пример экзамена	Различить воспроизведение сигнала и ответ на изменившийся вопрос.	Метафизический критерий Декарта и разговорная проверка Тьюринга не составляют одну теорию сознания.
Декарт, часть V, второй тест, абзац *The second test*	Тьюринг, §6 (4), продолжение экзамена	Проверить способность за пределами одного подготовленного ответа.	Перенос компетентности не устанавливает субъективное переживание.
Декарт, часть V, абзац *Nor does this inability*	Нидер и коллеги, с. 1626–1627, задача и рис. 1–2	Отделить голосовой канал от другого способа сообщения.	Обученный отчёт ворона не приравнивается к человеческому языку; исторические выводы о животных не принимаются.
Тьюринг, §1–2, ограничение письменного канала	Нидер и коллеги, с. 1626–1628, отложенное правило и результаты	Сделать условия ответа частью проверки.	Письменная игра и зрительная задача проверяют разные способности.
Тьюринг, §6 (4), заключительный абзац	Нидер и коллеги, с. 1628, обсуждение скрытого качества опыта	Сохранить предел вывода при полезном отчёте.	Признание проблемы не означает одинаковое устройство опыта машины и птицы.
Декарт, часть V, абзац *It is also very worthy of remark*	Нидер и коллеги, с. 1629, обсуждение задач с отчётом и без него	Отделить успех в действии от всей предполагаемой внутренней жизни.	Историческое отрицание разума не переносится на современную исследовательскую задачу.

Первоисточники

1. Рене Декарт. *A Discourse on Method*, английский перевод John Veitch, Project Gutenberg, eBook 59; оригинальное сочинение 1637 года. Прочитана непрерывная заключительная часть V, от *And after these* до перехода к VI, включая оба теста и учение о душе. Год печатного издания перевода в использованной странице не установлен. Категорические положения о животных и историческая терминология не принимаются как современное знание.

2. A. M. Turing. *Computing Machinery and Intelligence*, *Mind* 59 (236), 1950, с. 433–460. Прочитаны полностью §1–2 и §6 (4). Использованы устройство проверки, продолжение разговора и явное ограничение вывода о сознании; вся статья и упомянутые в ней работы не заявлены как прочитанные. Русский эпиграф переведён United Wisdom с английского.

3. Andreas Nieder, Lysann Wagener, Paul Rinnert. *A neural correlate of sensory consciousness in a corvid bird*, *Science* 369 (6511), 2020, с. 1626–1629, DOI 10.1126/science.abb1447. Прочитан полный основной текст и рис. 1–4, включая методы, результаты и обсуждение. Дополнительные материалы, код и исходные данные независимо не проверялись. Вывод относится к исследованной задаче; качество переживания непосредственно не раскрыто.

Теги

язык, ум, сознание, субъективный опыт, понимание, сообщение, самоотчёт, Декарт, Тьюринг, Джон Вейч, вороны, животные, искусственный интеллект, разговор, знаки, устная речь, компетентность, перенос, условия задачи, исследование, нейронная активность, зрительное восприятие, интерпретация, доказательство, достоинство, надёжность, сотрудничество, границы вывода

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.